

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ И ИНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Д.А. Севостьянов

Статья написана с целью философского анализа инверсивных и иерархических отношений в активности человека. Главная проблема, представленная в ней, – соотношение инверсивных и иерархических отношений в человеческой психике.

Инверсия представляет собой универсальный механизм в иерархических системах. Как правило, высший уровень в иерархии является ведущим. Но нередко возникают инверсивные отношения, при которых низший уровень в иерархии также может стать ведущим. Автор выделяет понятие психологической инверсии в активности. Данная статья содержит обзор современных концепций иерархических отношений.

Ключевые слова: иерархия, инверсивные и иерархические отношения, активность, психологическая инверсия.

В данной статье рассматривается недостаточно раскрытое до настоящего времени понятие – понятие инверсивных отношений в структуре человеческой активности, а эта структура, в свою очередь, может трактоваться как частный случай, в котором находит применение общая теория систем (ТС).

Активность человека, в ее анатомо-физиологическом, психологическом и структурно-антропологическом понимании, нередко рассматривается как иерархическая структура. В частности, иерархические отношения в человеческой активности подробно описаны Н.А. Бернштейном при исследовании уровней моторного построения [1].

Вместе с тем всюду, где в структуре активности действуют иерархические отношения, обнаруживаются и весьма частые примеры обратных им инверсивных отношений. При этом иерархические связи в каждом частном случае, радикально меняются а вертикальные отношения между членами иерархии меняют свой знак на противоположный. В человеческой активности подобные примеры обнаруживаются в виде чисто моторных инверсий, при которых нижележащий уровень моторного построения (по Бернштейну) начинает управлять вышележащим. Так, система Бернштейна предполагает подразделение активности человека на

ряд соподчиненных уровней: *A, B, C, D* и *E* (последний является высшим уровнем иерархии). Обычно высший уровень, участвующий в двигательном акте, осознается, низшие же уровни представляют собой служебные фоны и работают неосознанно. Однако довольно часто нижележащий уровень (например, *B*) неожиданно становится ведущим и управляет вышележащим уровнем (уровнями *C, D* и даже *E*). Именно так и происходит, например, при работе художника-экспрессиониста. Нечто подобное мы можем видеть в процедуре проективной психодиагностики, – там инверсии подвергаются уровни *E* и *D*. При ряде заболеваний уровень *A*, отвечающий за элементарные тонические реакции, выходит на первый план. Но представление об инверсиях не ограничивается только пределами системы Бернштейна. Выявляются инверсии и в игровой деятельности (инверсия деятельности и цели) [2], и в структуре мотивационно-потребностной сферы (инверсия высших и низших потребностей по А. Маслоу) [3], и во многих других случаях. Таким образом, действительно всюду, где можно видеть иерархические отношения, встречается и инверсия.

Данные факты ввиду их многочисленности не могут рассматриваться как простые исключения из правил, устанавливающих иерархические отношения, или как необычные случаи, возникшие вследствие каких-либо эксклюзивных причин. С другой стороны, эти прецеденты, хотя и противоречат традиционному иерархическому пониманию объектов и событий, не могут служить предлогом для полного отрицания каждой конкретной системы иерархических связей. Они скорее составляют некоторую параллельную реальность, которая сопутствует и не препятствует иерархическим отношениям в их традиционном понимании. Таким образом, инверсивные отношения рассматриваются как системный механизм, без учета которого невозможно создать объективную картину человеческой активности.

Если рассматривать инверсию в общем контексте человеческого знания (частные проявления инверсий уже упоминались), то анализ инверсий сводится только к простой констатации того факта, что иерархически соподчиненные компоненты той или иной системы способны меняться местами. Детальное исследование инверсии становится актуальным применительно к одной конкретной иерархической системе, которая имеет вертикальные, как восходящие, так и нисходящие, отношения в своей структуре. Такой системой является, например, человеческая активность как объект исследования философской антропологии. Именно

в этом предметном поле изучение инверсивных отношений становится наиболее плодотворным. И дело не только в том, что человек является самым «заинтересованным лицом» в исследовании данного вопроса, поскольку речь идет о структуре его собственной активности. Если вне системы «человек» инверсивные отношения раскрываются лишь в потенции или в своей примитивной форме, то именно в сфере человеческой активности они достигают подлинного расцвета.

Исследование человеческой активности как системы, бесспорно, представляет собой сферу интересов теории систем, получившей бурное развитие в последние десятилетия. Следует отметить, однако, что инверсивные механизмы активности в рамках общей ТС практически не изучались.

В современной науке ТС стала основной отраслью, для которой исследование иерархических отношений представляет наибольший интерес. Известно, что основной идеей общей ТС, предложенной Л. фон Берталанфи, является постулат об изоморфизме законов, управляющих функционированием системных объектов. В настоящее время мы наблюдаем грандиозный бум исследований в рамках ТС – и в отвлеченной форме, и в прикладном выражении. Так, для исследования активности представляет интерес разработанная в последние десятилетия теория активных систем (ТАС), и только в этом разделе теории систем В.Н. Бурков и Д.А. Новиков еще в 1999 г. насчитывали около 2 тыс. публикаций [4]. Но если принять положение, что все системные объекты функционируют по одним и тем же законам, все же следует признать, что в конкретных сферах приложения реализация этих законов приобретает определенную топологическую специфику. Именно это дает нам основание рассматривать иерархические и инверсивные отношения не «вообще», а в той сфере, в которой они проявляются в наибольшей степени, – в активности человека.

Рассмотрим определение иерархии. Известно, что «иерархия» – слово греческого происхождения (*hierarchia*); его первоначальное значение – «священная власть». Так называют порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим, вообще расположение от низшего к высшему или от высшего к низшему. Первоначально этот термин употреблялся для характеристики организации христианской церкви, в социологии он применяется для обозначения социальной структуры общества, бюрократии, в общей теории систем – для описания любых системных объектов, в теории организации этим термином описывают принцип управления.

В настоящее время термин «иерархия» оказался наиболее востребованным в экономике и организации производства. Так, «Современный экономический словарь» (Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева) трактует иерархию как способ построения, организации сложных систем, при котором части (элементы) системы распределены по уровням и вся система становится многоуровневой, многоступенчатой, обладающей в то же время свойством целостности. В качестве примера приводится система управления организацией, возглавляемой директором (первый уровень иерархии), которому подчинены заместители (второй уровень иерархии), каждому из которых, в свою очередь, подчинены начальники отделений (третий уровень иерархии), имеющие в своем подчинении несколько начальников отделов (четвертый уровень иерархии) [5].

Таким образом, иерархическая структура – это форма организации объектов, имеющая несколько уровней, причем объекты нижнего уровня строго соотносятся с объектами верхнего уровня. Структура эта в графическом выражении приобретает вид дерева.

Иерархия является объектом внимания многих научных дисциплин и помимо теории систем. Построение иерархии используется как классификационный метод, – например, при таксономической классификации биологических видов (на основе биогенетического принципа). Если говорить о биологических дисциплинах, то внимание здесь привлекают, в частности, иерархические отношения между животными особями в популяции. Все биосоциальные системы теоретически, быть может, и могли быть построены по принципу полного равенства всех особей в плане распределения необходимых для жизни ресурсов и взаимного влияния (т.е. по эгалитарному принципу), на практике же этого обыкновенно не происходит. Особи внутри одной популяции, как правило, показывают большую или меньшую степень неравенства, они различаются по биосоциальным рангам; совокупность этих рангов и является иерархией.

Точно так же рассматриваются иерархические отношения в социальных институтах, где они соответствуют принципу подчиненности некоторых нижних уровней уровням верхним. Иерархический принцип используется и в ряде технических дисциплин, например при проектировании и эксплуатации технических объектов, где иерархия соответствует детализации и подразделению крупных объектов на более мелкие структуры. При планировании любых действий выстраивание иерархических отношений выступает как метод детализации планов.

Противоположностью иерархическому принципу организации является сетевой принцип, подразумевающий отсутствие какого-либо подразделения исследуемой системы на вертикально выстроенные уровни. Как указывает Д.А. Новиков, при сетевом взаимодействии активных агентов каждый из них в зависимости от ситуации и решаемой задачи может выступать как в роли управляемого субъекта (активного элемента – АЭ), так и в роли управляющего органа – центра или даже в роли метacentra, осуществляющего руководство центрами [6]. Если иерархическая структура анизотропна по своей природе, то сетевой принцип предполагает принципиальную возможность изотропных взаимоотношений; анизотропия становится в этом случае не институциональной, а ситуативной.

По мнению А.А. Воронина и С.П. Мишина, любая достаточно сложная система, естественная или искусственная, имеет иерархическую структуру и без иерархии нежизнеспособна [7]. Э.Х. Лийв считает даже, что вообще любая система уже по определению сама имеет иерархическую структуру. Элементы, из которых состоит система, составляют, по его мнению, нижний уровень, а сама система, со своей структурой, общими свойствами и функциональной направленностью, образует более высокий уровень [8]. Однако такое расширенное понимание иерархических отношений, будучи формально совершенно правильным, бесплодно в научном аспекте. В данном случае структура дефинируется как целое, которое есть большее, чем простая сумма составляющих ее элементов; она представлена в качестве конъюнктивного понятия. Это, конечно, верно, но такая трактовка совершенно ничего не говорит об особенностях связей внутри системы. Вместо этого оценка системы как иерархии выносится вовне, за пределы самой системы. Напротив, признак вертикальной анизотропии (или изотропности) внутри самой системы позволяет выделять иерархические и сетевые формы отношений. В этом случае система оценивается не извне как целое, а с точки зрения внутрисистемных отношений. Применительно к исследованию активности человека принят именно этот подход.

Итак, в действительности иерархические отношения в системах преобладают. С другой стороны, часто оказываются востребованными и сетевые связи.

Выделяется три типа организационных систем (ОС):

- вырожденная структура (ВС), в которой отсутствуют связи между участниками;

- линейная структура (ЛС), в которой каждый участник подчинен одному (и только одному) участнику более высокого уровня иерархии;
- матричная структура (МС), в которой некоторые участники ОС могут быть подчинены одновременно нескольким участникам, находящимся либо на одном и том же, либо на разных уровнях иерархии.

С точки зрения Д.А. Новикова, любая из известных структур ОС может быть отнесена к одной из трех типовых: ВС, ЛС или МС. Если же в данной конкретной ОС мы обнаруживаем свойства всех трех типовых структур одновременно, мы можем говорить о том, что перед нами сетевая структура (СС). В этом типе структуры потенциально существуют связи между всеми участниками, но актуализируются в каждый момент времени лишь некоторые; в результате этого в рамках ОС временно начинает действовать одна из типовых систем взаимодействия: ВС, ЛС или МС [9]. «Образно говоря, сетевая структура – набор априори равноправных агентов, в котором могут возникать временные иерархические и другие структуры, определяемые решаемыми системой задачами» [10]; «разнообразие решаемых задач порождает в вырожденной структуре организационные системы как временные иерархии» [11].

На основании сказанного Д.А. Новиков делает важное замечание: характеристика ОС зависит, таким образом, от времени. Если СС рассматривается в тот период, когда в ней актуализированы иерархические отношения, она может трактоваться как ЛС; в другой временной промежуток она может быть определена как ВС. Иными словами, для того чтобы определить, что перед нами именно СС, требуется определенное время [12].

В данной классификации, однако, совершенно не учитываются инверсивные отношения. Как нам обозначить иерархическую структуру, в которой (при сохранении самой иерархии) некоторые АЭ, занимающие низшие этажи на иерархической лестнице, приобретают способность управлять вышерасположенными подструктурами? Даже если представить такую систему как разновидность МС, становится очевидным, что разновидность эта обладает настолько выраженной спецификой, что в обычное понимание МС она уже не вписывается и требует отдельного таксономического обозначения. В МС практически любой сложности векторы всех управляющих воздействий сохраняют, как правило, одно и то же направление в иерархии – сверху вниз. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в некоторой организации специалист имеет двойное подчинение: с одной стороны, по общим вопросам

он подчиняется своему непосредственному начальнику, с другой стороны, по специальным вопросам – вышестоящему главному специалисту по своему профилю. При этом и вышестоящий начальник, и главный профильный специалист подчиняются, в свою очередь, главе организации. Структура, несомненно, матричная, между тем все векторы управляющих воздействий направлены, как уже говорилось, сверху вниз. Отсюда видно, что если такой вектор будет направлен снизу вверх, мы получим качественно иную систему. С обыкновенной МС она не будет иметь ничего общего, кроме первоначальной иерархической основы.

Можно ли в таком случае иерархическую структуру, в которой возникают инверсивные отношения, считать разновидностью СС? Определенное сходство у них имеется, – оно определяется тем, что инверсивные связи, подобно временным связям в СС, могут носить ситуационно обусловленный характер. Но тогда структура, содержащая изначально иерархические отношения, не может расцениваться как совокупность «априори равноправных агентов», в которой «могут возникать временные иерархические и другие структуры». Ни о каком априорном первоначальном равенстве речь здесь не может идти: как уже говорилось выше, инверсия предполагает наличие вертикальных иерархических отношений, хотя бы и *in statu nascendi*.

Сказанное выше заставляет нас к существующей (представленной Д.А. Новиковым) классификации добавить самостоятельное подразделение – *инверсивные структуры* (ИС).

Необходимо заметить, что помимо иерархических структур как совокупностей вертикально направленных связей существуют и горизонтальные структуры. Такая структура есть система связей на одном или близких уровнях иерархической организации, дополняющая ее возможности (или деструктивно конфликтующая с ней).

Иерархический принцип, таким образом, не является оптимальным для всех случаев жизни, универсально «хорошим» или универсально «плохим». Он может быть адекватен или неадекватен относительно решаемых задач. Тем не менее сам характер филогенетического формирования человеческой активности не подразумевает другого принципа. Вместе с иерархическими отношениями, однако, получили развитие и сопутствующие им инверсивные отношения.

Принцип общей ТС подразумевает исследование любой системы независимо от ее происхождения (так, основоположник ТС Л. фон Бергаланфи был биологом и первоначально исследовал биологические

системы). Однако в современной литературе по ТС последние рассматриваются прежде всего как объект управления, и главным образом в менеджменте. Так, Д.А. Новиков в этом контексте выделяет управление организационной системой, во-первых, как процесс целенаправленного воздействия на структуру, а во-вторых как целенаправленное воздействие на сами закономерности процесса организации системы [13]. В этом случае встает серьезный вопрос о месторасположении управляющего субъекта относительно системы. Если мы имеем дело со строго иерархичной ЛС, то управляющий субъект, осуществляющий целенаправленные воздействия в указанных формах, естественным порядком занимает вершину иерархической структуры. Иная ситуация возникает, если речь идет о сетевых взаимоотношениях в системе. Поскольку в СС роль центра (или метacentра) как управляющего субъекта является не институциональной, а сугубо ситуативной (блуждающей), постольку внутрисистемная позиция управляющего субъекта оказывается несостоятельной. Он в этом случае занимает некоторую внесистемную позицию, своеобразную позицию демиурга: он фактически творит систему из наличного хаоса, но сам не входит в ее состав. Подобно той позиции, которую обозначил Э.Х. Лийв, управляющий субъект руководит системой в целом извне и оценивает ее тоже извне. Вместо того чтобы вступать с участниками системы в субъект-субъектные отношения, он вступает со всей системой в отношения субъект-объектные.

В структуре человеческой активности мы не встретим отдельно ни субъект-субъектных, ни субъект-объектных отношений. Человек не может выступать по отношению к собственной деятельности с субъект-объектных позиций (хотя нередко и пытается это сделать). Присущие в настоящее время многим людям попытки рассматривать части своего «Я» как объекты обладания и манипуляций неоднократно рассматривались как проявление патологических изменений психики или по крайней мере как свидетельство психологического и социального неблагополучия. Действительно, многие люди, привыкшие к жизни в потребительском обществе, даже симптомы собственного неблагополучия воспринимают как принадлежащую им вещь («у меня есть проблема»). Такие отношения, как отмечал Э. Фромм, в особенности характерны для лиц, имеющих так называемую рыночную ориентацию характера, им свойственно рассматривать свои силы и возможности как некоторый отчужденный от их личности вариант товара [14]. Приведем другой пример. Как свидетельствует выдающийся отечественный пси-

хиатр Ц.П. Короленко, лицам, страдающим зависимостями, свойственно собственное тело и собственную психику механистично воспринимать как некую принадлежащую им машину, которую нетрудно исправить при помощи «ремонта» (например, хирургической операции) [15]. Таким образом, подобные субъект-объектные позиции не могут рассматриваться как нормальные. Деятельностные компоненты психики в любом случае остаются в пределах «Я», и человек не может выйти за эти пределы (иное дело – *результаты* деятельности: они всегда так или иначе выходят за пределы личности). И это еще одно проявление специфики исследований человеческой активности. Поскольку сама по себе инверсивная структура имеет сущностные отличия от ранее описанных организационных систем, а активность человека представляет собой весьма специфичную предметную область, уместно предположить, что ИС в человеческой активности будет иметь собственные классификационные характеристики. Данные характеристики целесообразно рассматривать в контексте современных представлений о личности и о структурных элементах активности человека; это будет сделано ниже.

Необходимо отметить, что вышеперечисленными типами классификация систем не исчерпывается. Помимо этого все системы подразделяются на активные и пассивные. Пассивные системы, как отмечают В.Н. Бурков и Д.А. Новиков, отличаются полным детерминизмом с точки зрения управления. Управляемые элементы в них лишены свободы выбирать свое состояние и возможности прогнозировать поведение управляющего органа [16]. В случае инверсивных отношений подразумевается, что нижестоящий член иерархии становится более чем прогнозирующим, он детерминирует вышестоящий уровень иерархии. Таким образом, применительно к активности человека нам предстоит говорить исключительно об активной системе.

В активных системах структурообразующими единицами становятся активные элементы. Как следует из самого наименования, АЭ обладают свойством активности (в том числе свободой выбирать свое состояние). По мнению В.Н. Буркова и Д.А. Новикова, элементы АС собственными интересами и предпочтениями, т.е. целенаправленно, выбирают свое состояние (в противном случае их поведение можно было бы расценивать как пассивное). При этом видоизменяется и сама модель системы. Как указывают В.Н. Бурков и Д.А. Новиков, «проявления эти описываются следующим образом – считается, что управляемые

субъекты стремятся к выбору таких своих состояний, которые являются наилучшими с точки зрения их предпочтений при заданных управляющих воздействиях, а управляющие воздействия, в свою очередь, зависят от состояний управляемых субъектов... Одним из важнейших проявлений активности также является способность управляемых субъектов “предсказывать” (в рамках имеющейся информации) поведение управляющего органа – его реакцию на состояние системы» [17].

В данном контексте подразумевается, что и управляющий, и управляемые субъекты в структуре АС обладают одинаковым уровнем субъектной организации. Коренное (и фактически единственное) различие между ними заключается в их наличном статусе (местоположении) в пределах иерархической структуры. В гипотетическом случае, когда управляющий и управляемый субъекты поменялись бы местами, в деятельности АС не произошло бы никаких принципиальных изменений (иерархия как институт была бы сохранена). Именно на этом основано такое, по сути временное, распределение обязанностей внутри иерархической структуры: одни (управляющие субъекты) совершают поступки (и, очевидно, обладают свободой выбирать собственные состояния), а другие (управляемые субъекты) помимо того, что подчиняются распоряжениям свыше, обладают аналогичной свободой и способны предсказывать поступки субъекта управляющего. Это возможно именно в силу того, что принципиальная разница между теми и другими субъектами отсутствует, а имеется лишь разница в занимаемой структурной позиции.

В принципе, конечно, различия между управляющим и управляемыми субъектами возможны и в этих случаях. Так, каждый живой организм обладает способностью к опережающему отражению – антиципации. Это явление подробно описано в трудах академика П.К. Анохина, который считал, что за такое предвидение отвечает акцептор результата действия [18]. Как отмечает Е.А. Сергиенко, антиципация понимается в настоящее время как имманентное свойство психического. Любое взаимодействие человека с миром предполагает взаимосвязь прошлого с будущим через настоящее, при этом цель деятельности включает имплицитно предположение о результате [19]. Так, выше было сказано, что в АС нижестоящие элементы предсказывают поведение вышестоящего руководящего субъекта. Разумеется, такая антиципация может происходить в условиях принципиального равенства субъектов (управляющий субъект только тем и отличается, что он управляющий). Но антиципироваться

могут и воздействия, исходящие от вышестоящего, но совершенно не равного субъекта, и не от субъекта даже, а просто от природных сил. При этом, однако, для самого факта антиципации необходим все-таки некоторый осуществляющий ее активный субъект.

Структура активности человека строится не из взаимодействующих субъектов, – она сама выстроена в пределах единого субъекта, взаимодействующего с окружающей (природной и социальной) средой. Поэтому едва ли здесь следует говорить об антиципации действий вышестоящих иерархических уровней, по крайней мере в том же смысле. Возможно ли в таком случае признать, что структура человеческой активности обладает свойствами, присущими АС? Безусловно, но только необходимо еще раз напомнить о том, что изоморфизм законов, управляющих поведением системных объектов, еще не означает изоморфизма понятий и определений, применение универсальных законов в каждой отдельной предметной области имеет свою специфику. Это дало основания академику П.К. Анохину говорить о том, что не изоморфные законы должны извне применяться к биологическим объектам, а напротив, реальные «системные закономерности» могут быть выявлены и разработаны только на базе конкретного материала биологии и физиологии. Именно этот материал, считал П.К. Анохин, и должен стать реальной основой формализации, в том числе и при посредстве математического осмысления [20].

Прямолинейные попытки усматривать во всех системных объектах изоморфизм законов приводят к весьма скудным научным результатам. Это дало основания выдающемуся отечественному нейропсихологу А.Р. Лурии упрекать в физикализме ряд психоневрологов, утверждающих, что приблизительно аналогичные законы регулируют и сложные формы поведения, и напряжение в физическом поле. Такой подход, писал А.Р. Лурия, не может раскрыть всего богатства соотношений, специфических функций, которые нельзя найти нигде, кроме как в человеческом поведении, и без которых оно остается недоступным для понимания. Расширение принципа организации до всеобщего закона, как указывал А.Р. Лурия, неизбежно поведет нас к игнорированию и непониманию основных особенностей человеческой нейродинамики, вышние и специфические формы поведения всегда будут оставаться вне поля зрения «физикалиста» [21].

Имеется еще один существенный фактор, который не позволяет анализ иерархических структурных отношений, присущих, например,

административным образованиям, некритично переносить на структурный анализ активность человека. Дело в том, что управляющие воздействия в иерархических административных структурах в тех схематических формах, которые представлены в ТС, сводятся исключительно к бихевиоральным методам стимулирования. Это понятно и объяснимо: формирование личности взрослого субъекта давно завершено, и единственный способ модифицировать его поведение заключается в предъявлении ему определенных позитивных или аверсивных стимулов, что вполне укладывается в рамки бихевиоральной концепции. Между тем в структуре активности человека действуют совершенно иные принципы взаимоотношений. Стимул, в бихевиоральном понимании, адресован организму, но не той или иной подструктуре его активности (с чем мы и имеем дело при анализе активности как иерархической структуры).

Для понимания иерархических отношений необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Когда в иерархических структурах выстраивается система соподчинений по вертикали, обыкновенно рассматривают только одну составляющую вертикальных отношений – подчинение и ответственность низших уровней иерархии перед высшими, но нередко забывают про другую, не менее важную. В иерархических социальных системах связь между уровнями иерархии имеет, как правило, двусторонний характер: сверху вниз идут распоряжения (именно их обычно изображают на схемах стрелками, обозначающими подчинение, снизу вверх идет информация (донесения и отчеты). Так, в любом коллективе успешность руководителя базируется на его умении выслушать подчиненного. Релевантная информация – основа любого адекватного руководящего решения. На этом компоненте построена концепция вертикальной диадной связи, объясняющая эффективность функционирования лидера за счет использования такого стиля, когда лидер взаимодействует не со всей группой как целостным и монолитным образованием, а с ее членами в диадах, один на один [22]. В определенном смысле и здесь можно усмотреть инверсивные отношения: решения руководителя (управляющего звена иерархии) в значительной мере зависят от той информации, которую поставляет нижележащее звено. Подчиненный определенным образом *управляет* поведением руководителя, предоставляя ему, тенденциозно и избирательно, ту или иную информацию. Тем самым формируется своего рода система с обратной связью, составляющая, однако, особую разновидность подобных систем. В данном случае между

иерархическими отношениями в структуре человеческой активности и вертикальными связями в производственной организации прослеживается аналогия. Адекватная информация в любом случае необходима для совершения какого бы то ни было активного действия, хотя иерархические отношения в человеческой активности, рассматриваемые в данной работе, все же значительно отличаются от иерархических отношений в организации.

Инверсивные отношения в человеческой активности не разрушают систему соподчиненности в иерархии, но становятся необходимым дополнением к ней. Так, в структуре реальной человеческой активности, а не умозрительной ее модели инверсивные отношения представляются не менее важными, чем отношения, которые традиционно считаются иерархическими.

Таким образом, анализ инверсивных отношений в системе человеческой активности позволяет не только пересмотреть подходы к активности как предметной области исследования, но также пересмотреть и существенно дополнить эти отношения, включенные в общую теорию систем – там, где речь идет о структуре вертикальных иерархических связей.

Примечания

1. См.: *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990.
2. См.: *Хейзинга Й.* Homo ludens. – М.: ИГ «Прогресс»; «Прогресс-Академия», 1992. – С. 5–240.
3. См.: *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008.
4. См.: *Бурков В.Н., Новиков Д.А.* Теория активных систем: состояние и перспективы. – М.: Синтег, 1999. – С. 4.
5. См.: *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь – М.: Инфра-М, 2002.
6. См.: *Новиков Д.А.* Сетевые структуры и организационные системы. – М.: ИПУ РАН, 2003. – С. 4.
7. См.: *Воронин А.А., Мишин С.П.* Оптимальные иерархические структуры – М.: ИПУ РАН, 2003.
8. См.: *Лийв Э.Х.* Инфодинамика: Обобщенная энтропия и негэнтропия. – Таллинн: АО «Юхисэлу», 1998. – С. 8–19.
9. См.: *Новиков Д.А.* Сетевые структуры и организационные системы. – С. 5–6.
10. Там же. – С. 6.
11. Там же. – С. 7.
12. Там же.
13. Там же. – С. 94–95.

14. См.: Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Этика и психоанализ. – М.: Республика, 1993. – С. 19–190.
15. См.: Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 12–13.
16. См.: Бурков В.Н., Новиков Д.А. Теория активных систем: состояние и перспективы. – М.: Синтег, 1999. – С. 8.
17. Там же. – С. 8–9.
18. См.: Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. – М.: Наука, 1973. – С. 5–61.
19. См.: Сергиенко Е.А. Генезис элементарных форм антиципации // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 6. – С. 73–85.
20. См.: Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. – С. 5–61.
21. См.: Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. – М.: Когито-центр, 2002. – С. 21–31.
22. См.: Dansereau F., Graen L., Haga W. A vertical dyad-linkage approach to leadership within formal organization: A longitudinal investigation of the role-making process // *Organizational Behav. and Hum. Perform.* – 1975. V. 13.

Севостьянов Д.А.,
кандидат медицинских наук,
доцент кафедры педагогики и психологии,
Новосибирский государственный
медицинский университет,
630091, г. Новосибирск, Красный пр-т, 52,
Контактный телефон: (383) 226-98-11,
E-mail: KPPNGMA@yandex.ru,
E-mail: dimasev@ngs.ru

Sevostianov, D.A. Hierarchical and inverse relations in human activity structure

The purpose of the paper is to present philosophical analysis of inverse and hierarchical in relations in human activity. The main problem which is considered is proportion/correspondence of inverse and hierarchical relations in human psychics/psyche/mentality.

Inversion is a universal mechanism in hierarchical systems. Usually, a higher level in hierarchy is a operate instance in some system. But inversion correlations may spring up frequently. So, lower level of hierarchy may became as operate instance, too. Author accentuated the meaning of psychology inversion of activity. Present paper contains review as modern conceptions to hierarchical correlations.

Keywords: hierarchy, inversion and hierarchical correlations, psychical inversion.